

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

LANGUAGE CONTACTS

УДК 811.1/2

DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-78-90

**НОВЫЕ КОНТАКТЫ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ:
МОНГОЛЯЗЫЧНЫЕ ГРУППЫ В ПОИСКАХ АУТЕНТИЧНОСТИ⁹****Влада В. Баранова**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт лингвистических исследований РАН, Российская Федерация

Статья посвящена контактам близкородственных языков на примере бурятского и калмыцкого языков. Контакты близкородственных языков нередко выделяют в особый тип языковых контактов, поскольку сходство дает возможность двуязычной коммуникации и облегчает заимствования. Другая важная особенность контактов родственных языков состоит в особом отношении к ним в сообществе, и это явление находится в центре внимания в статье. Калмыки и буряты в течение длительного времени не имели контактов с другими монголоязычными группами, однако в постсоветское время подобные ситуации возникли. Одними из результатов этих контактов являются, в частности, лексические инновации в калмыцком и бурятском, возникшие как недавние заимствования из других монгольских языков, часто мотивированные желанием избавиться от русских заимствований советского времени. В лингвистическом отношении это разные изменения, объединенные пуристическими тенденциями и поисками «традиционного» калмыцкого или бурятского языка. Материалом послужили интервью с языковыми активистами, педагогами и носителями калмыцкого и бурятского языков, а также материалы дискуссий в социальных сетях и на форумах. В центре внимания находятся несколько примеров изменения терминологии и отношение к ним со стороны сообщества. Анализируются позиции участников языкового планирования на микроуровне – тех, кто (не) принимает и (не) распространяет новые элементы. Прежде всего, в центре внимания находится воспринимаемое сходство идиомов и отношение к этим заимствованиям. В статье показано, что изменения словаря мотивируются возвращением старых слов и аутентичности, однако не все носители готовы принять изменения.

Ключевые слова: языковые контакты, близкородственные языки, калмыцкий, бурятский, воспринимаемая близость языков

NEW LANGUAGE CONTACT OF CLOSELY-RELATED LANGUAGES:

⁹Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Взаимодействие языков в поликультурном пространстве на материале монгольских языков: сравнительный анализ калмыцкого языка, языка ойратов Монголии и бурятского языка» № 19-512-44006.

THE MONGOLIAN-SPEAKING GROUPS IN SEARCH OF AUTHENTICITY

Vlada V. Baranova

National Research University "Higher School of Economics"

Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.

The paper deals with the results of language contact between closely related languages. Kalmyk and Buryat, Mongolic languages in Russia, were separated from other Mongolic varieties during the Soviet time. In post-Soviet time, language contact is an important factor for a changing of terminology and other applied issues of language planning. The paper focuses on the perceptual relatedness of languages and attitudes to the new borrowings among speakers. This study is based on interviews with teachers, language activists and speakers of Kalmyk and Buryat and on observations of online communication. The paper discusses the development of terminology in Kalmyk and, for comparison, in Buryat. In particular, the respondents comment the replacement of old Russian loanwords to Mongolian root borrowed from close-related languages, i.e. from Oirat for Kalmyk and Khalkha Mongolian for Buryat. According to the ideology of purism, such development is considered as a return to authentic Oirat or Mongolian words. At the same time, the part of speakers is not agree with measures of the language planning and criticize the change of terminology.

Keywords: language contact, closely related languages, Kalmyk, Buryat, perceived similarity

1. Введение

Генетически родственные языки часто являются источником лексических и грамматических инноваций друг для друга. Близость идиомов, согласно некоторым подходам, облегчает трансфер новых структур и упрощает адаптацию заимствованных элементов в близкородственном языке. В структурном отношении языковое родство упрощает заимствование [Mithun, 2013]. Однако, помимо структурных оснований, облегчающих легкость заимствования тех или иных черт, могут влиять и экстралингвистические факторы, особенно значимые для уровня языкового планирования. Как показано в классической работе С. Томасон и Кауфмана, социальные факторы имеют преимущество над собственно лингвистическими при языковых контактах [Thomason, Kaufman, 1988]. Родственные языки могут рассматриваться как пример для сравнения и легитимный источник инноваций, если для группы актуальны представления об общем прошлом и культурном наследии. Применительно к материалу данной статьи – бурятскому и калмыцкому языкам – культурное и языковое единство монгольского мира имеет достаточно высокое значение для носителей. Исторически для монгольских языков характерна высокая интенсивность языковых контактов как между собой, так и с другими языками ареала.

Следует учитывать, что сходство идиомов может служить и отталкивающим фактором для взаимного влияния при контактах близкородственных языков. Во-первых, заимствуемые элементы могут обладать собственным значением в языке-цели или ассоциироваться с теми

или иными однокорневыми словами, что препятствует заимствованию. Во-вторых, сама по себе близость языков способствует развитию представлений о границах между ними в рамках «народной лингвистики» или «воспринимаемой диалектологии» (Perceptual Dialectology [Preston, 1999]) и поиску отличий в языковом отношении на примере конкретных словоформ. Подобное явление характерно, прежде всего, для близких в языковом отношении групп, которые по каким-то причинам не готовы постулировать свое единство или сходство. Например, урумы (тюркоязычные греки) и крымские татары в одном из сел Приазовья (Восточная Украина), поддерживая границу разных в религиозном отношении групп, склонны были подчеркивать даже незначительные различия между этими языками, хотя для внешнего наблюдателя-лингвиста они выглядели чрезвычайно близкими [Баранова, 2006]. В тех случаях, когда сообщество стремится обозначить границы группы и отличия от соседей, взаимопонятность языков может иметь достаточно неопределенный и субъективный характер.

Особая идентичность группы и стремление иметь «отдельный» язык может приводить к минимизации результатов языковых контактов. Более того, сходство языков может быть основанием для поиска других вариантов передачи значения. «Отрицательное заимствование» предполагает, что процесс разработки словаря и инвентаря грамматических форм «определяется не внутренними факторами, а сравнением с языком-моделью, лакунами и различиями» [Kailuweit, 2014: 371]. Важно отметить, что дискуссии об изменении словаря и поисках возможных источников для введения других лексических единиц возникают обычно на фоне идеологии языкового пуризма. Если развивать понятие «отрицательного заимствования», то оно оказывается связано не только с контактами близкородственных языков, но и с другими ситуациями расподобления, типичными, например, при деколонизации или обсуждении связей между доминирующим и исчезающим языками. Изменения в лексике калмыцкого и бурятского языков могут быть такими примерами отрицательного заимствования. Словарные реформы в постсоветское время в Республике Калмыкия и в Бурятии были направлены на сокращение заимствованных ранее русизмов и избегание «русских» элементов (или интернациональных, но опосредованных русским языком) при образовании новых слов.

Следует оговорить, что в данном случае в фокусе внимания находятся не собственно лингвистические свойства заимствований, а их статус и отношение к ним в сообществе. Таким образом, речь пойдет именно о представлениях языковых активистов, популяризаторов языка, журналистов и деятелей культуры, а не о кодифицированной норме и истории становления, реформах языка в постсоветское время. Из соображений минимизации объема были выбраны

несколько сюжетов, вызывавших наибольшие дискуссии, связанных с заменой использовавшихся ранее русских заимствований.

Основная задача состоит в *описании изменений* терминологии в калмыцком языке как контактного явления и в *отношении к* этим *изменениям*, а дополнительно эта ситуация сравнивается с изменениями в бурятском языке. Статья построена на разных данных: во-первых, интервью о калмыцком и бурятском языках с бурятами и калмыками – языковыми активистами, педагогами и просто носителями языка, записанные в 2019–2020 гг., а также интервью 2006–2007 гг. с лингвистами-калмыковедами и носителями, обсуждавшиеся ранее [Баранова, 2008]. Для анализа были выбраны интервью с теми, кто, с одной стороны, осознанно относится к выбору языковых единиц, а с другой, не участвует в принятии решений и не имеет специальных полномочий (например, не является лексикографами или методистами). Кроме того, в статье использованы материалы интернет-дискуссий носителей языка на русском, калмыцком и бурятском языках.

2. Исторический контекст языковых контактов

Калмыки и буряты значительное время были отрезаны от других монголоязычных народов. Расселение на новые земли и разделение ойратов и калмыков произошло в XVII в., и с этого времени группы не контактировали. Границы советского времени сделали затруднительными языковые контакты бурят как с монголами, так и с бурятскими группами в Монголии или шэнэхэнскими бурятами в КНР. Если не считать возможных индивидуальных контактов калмыков и бурят между собой в армии или в больших городах, что происходило относительно редко, непосредственного территориального контакта не было и между этими двумя монголоязычными группами.

В 1990-е гг. ситуация изменилась и появилась возможность прямых контактов с другими монголоязычными группами из Монголии и Китая. Если первые встречи были единичными и затрагивали, прежде всего, представителей интеллигенции, администрации, артистов и т.д., то позднее эти встречи, контакты стали несколько шире. В Бурятии регулярные поездки в Монголию и приезд туристов из Монголии и монголоязычных жителей КНР являются частью повседневной жизни благодаря территориальной близости. Особое внимание привлекают буряты из-за границы.

Очень много людей у нас живет в Монголии, у бурят, и в Китае, в Шэнхэне, шэнэхэнские буряты есть, которые сохранили исконный бурятский язык, вот они тоже с собой привозят и употребляют забытые бурятские слова, что создает такое... не знаю,

недопонимание, какое-то. Например, машину они называют *тэргэ* – это по-нашему это телега. Они до сих пор ее называют *тэргэ*. Мы машину машина называем по-бурятски, а *тэргэ* – телегу (м., 1983 г.р., бурятский).

Для калмыков, прежде всего, актуальны контакты с другими носителями ойратского языка из Западной Монголии и КНР. В 1990-е годы начались контакты калмыков с ойратами Китая, чрезвычайно близкими в языковом отношении к калмыкам. Ойраты из Синьцзяня и Внутренней Монголии (КНР) часто приезжают в Элисту, например, на обучение в КГУ, калмыки тоже ездят туда. Контакты с другими монгольскими языками, в частности, с халхасским, менее интенсивны, хотя студенты иногда бывают в Монголии, оттуда приезжают делегации, с 2013 г. в Яшкульском районе РК живет несколько монгольских семей, занимающихся разведением лошадей. Широкое воздействие на представления жителей РК оказал фестиваль *Ойрад Тумэн*, проходивший весной 2018 г. в Калмыкии. Фестиваль с 2006 г. проводится в Зап. Монголии, и его организация в России оказала большое влияние на жителей Калмыкии. Хотя фестиваль называется «Ойратский народ», в нем участвуют представители разных этнических групп, исторически или культурно связанных с монголами или кочевой культурой в целом.

В настоящее время контакты с различными группами зарубежных калмыков, в первую очередь, с ойратами, чрезвычайно востребованы в Калмыкии. В Китай отправляются делегации из Калмыкии, а несколько студентов из Синьцзяня обучаются на тибето-монгольском отделении Калмыцкого государственного университета; кроме того, в университете недавно было создано китайско-калмыцкое отделение. Нимгин Байрта ведет на ойратском языке популярный видеоблог¹⁰, посвященный, в основном, кулинарии ойратов/калмыков; в отдельных роликах обсуждаются вопросы единства, сплоченности группы.

3. Влияние ойратов и отношение к новой лексике среди калмыков

Хотя общее число людей из Калмыкии, съездивших в КНР или Западную Монголию, сравнительно невелико, как и обратное, рассказы о таких контактах были значимы для сообщества.

Когда делегация ездила в Синьцзянь, потом премьер-министр вернулся, пришел на встречу: надо возрождать язык, любую помощь от правительства – видим, им стыдно стало, что они не понимают ойратов (ж., 1961, зап. в 2007).

¹⁰Bairta<https://www.youtube.com/channel/UCag4YN0lCr0bl8wEKNvOjEA>

В Калмыкии принято считать, что ойраты сохранили более традиционный уклад жизни и они ближе к знанию народных обычаев, традиций (например, респонденты обращались за помощью к практикующему традиционную медицину ойрату), а их язык оценивается как «чистый» и «красивый». Немногочисленные ойраты, переехавшие в Россию, оказали большое влияние и на языковую политику. В начале 1990-х гг. несколько человек из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР приехали в Калмыкию и включились в языковые дискуссии; один из них возглавил Терминологическую комиссию при Президенте Республики Калмыкия.

Это наша давнишняя мечта была – приехать в Элисту, Калмыкию, посмотреть, потому что мы родственники, вроде как один народ (м., ок. 50, живет в Элисте, родился в КНР, 2007).

Комиссия, в том числе под впечатлением от возобновления контактов, предлагала вводить необходимые новые термины и заменять заимствования из русского языка старомонгольскими формами или лексикой из языка ойратов Китая (среди которых были как собственно монгольские формы, так и китайские заимствования). Новая лексика вводилась через публикации в газете «Хальмг Үнн», кроме того, был опубликован ряд специальных словарей (медицинский, животноводческий, словарь спортивных терминов и некоторые другие). Нужно отметить, что на тот момент среди интеллигенции было распространено достаточно негативное отношение к многочисленным заимствованиям из русского советского времени, поэтому лексикографическая работа оценивалась как «очищение» языка от заимствований.

Там были ойраты Синьцзяня, они отнеслись к делу... творчески, так сказать, принесли много инноваций. (...) И всем стало как-то страшно, что это может повлиять на содержательную сторону нашего калмыцкого языка, хотя мы, калмыковеды, считали, что ничего страшного, можно заимствовать, тем более, из родственных языков, синьцзянских калмыков, халха-монгольского. (м., 1944, зап. в 2007).

Словари обычно предлагают оба варианта¹¹, но учебные пособия ориентированы на варианты, не заимствованные из русского языка. Однако многие респонденты были негативно настроены по отношению к новым словам.

P1: *Вот ширэ («стол»), а мы, например, и не знали.*

¹¹ Например, огурец – *аһурцг*, хаяр; помидор – *помидор*, *адамч* и т.д.

P2: *Нас родители всегда учили: «Э! столас доран ке» – ноги убери со стола! Но никогда ширэ нам не говорили.*

Соб.: *А откуда вы сейчас знаете?*

P1: *Ну, дети же учатся. Племянники, племянницы – просят помогать. Приходится сидеть – со словарем сидим, проверяем, смотрим. Какие слова мы знаем – переводим, а какие со словарем.*

P2: *Очень сложно у нас стало* (P1 – ж., 1958; P2 – ж., род. в Сибири, зап. в пос. Ергенинский, 2006) [Баранова, 2008: 420].

Для многих из них ситуация, когда они не знали, как правильно будет по-калмыцки какое-то слово, или его вариант не совпадал с вариантом в учебнике детей или внуков, оказывалась неприятной и ставила под сомнение их экспертное положение в вопросах родного языка.

Вот берут тему – животные, и миллион этих животных, все эти не упомнишь, даже на русском не знаешь, что есть. Или овощи-фрукты. Невозможно все запомнить, вот я лично даже огурцы и помидоры не могу вспомнить. Там идут переводы – вот такой огромный список слов: банан, авокадо-мавокадо, кому оно надо! Есть много слов заимствованных, можно так и оставить (ж., 1957, Ергенинский, 2007).

Учителя калмыцкого языка обычно гораздо спокойнее относятся к изменениям:

P1: *Эти слова, наверное, пришли от синьцзянских калмыков.*

P2: *Да, в 90-х годах.*

P1: *Это не сложно, это просто не было у калмыков помидоров никогда, огород-то не сажали, но они же должны были откуда-то появиться, сейчас у нас на столах каждый день. С появлением наших соотечественников эти слова новые, там хаяр (огурец. – В.Б.), адамч (огурец. – В.Б.), они и появились, я считаю, ничего тут такого страшного, язык же развивается. И слова приходят из другого языка. У нас очень много заимствованных слов из русского языка – каши калмыки не ели, а сейчас мы говорим хаиш. Поэтому тут ничего такого нет, если представители старшего поколения говорят, мы не знали таких слов, мы не употребляли* (P1 ж., 1965 г.р., учительница калмыцкого языка и литературы. P2 ж., 1962 г.р., учительница калмыцкого языка, 2019).

В интервью 2006–2007 гг. учителя отмечали, что сами не всегда владеют новой лексикой:

*Я помогаю дочери делать задания, потому что много слов новых, например, лимон, ищем в словаре – оказалось, что лимон у нас **нимбэ** (ж., 1974, учитель калмыцкого языка и литературы, 2007).*

Однако в последние годы учителя не упоминают подобные сложности. По-видимому, они включили новые слова в свой лексикон, а носители языка привыкли к новым словам. Языковые активисты, вводящие новые слова через форумы и публичные выступления, поддерживают изменения терминологии, но, в отличие от школы и других официальных каналов языковой политики, предполагают возможность сосуществования языковых норм и предпочтений.

*Вот, например, «минута», «секунда» – это все хоть и было, но не использовали, тогда старались больше русский язык... Это было правильно в то время, но сейчас, когда язык теряется, надо возвращать вот эти все утраченные слова, давать им вторую жизнь. Ну, кто не хочет говорить **нимбэ** – никто его не заставляет, пусть он говорит «лимон», его тоже будут понимать (м., 1962, языковой активист, 2020).*

Итак, реформа словаря, направленная на замену русских заимствований «исконными» словами, простыми носителями во многом воспринималась иначе. Как правило, говорящие не оценивают устоявшиеся русские заимствования как недостаток языка, а нередко и не осознают русские по происхождению слова как таковые. Все участники должны были учить новые слова, и если учителя достаточно легко приняли это условие, то другие участники были настроены скорее негативно. В то же время сравнение отзывов начала 2000-х гг. и современных показывает, что многие, по крайней мере, сами педагоги, освоились с новой лексикой.

К контактно-обусловленному влиянию близкородственных языков можно условно отнести и те изменения, которые не вызваны напрямую заимствованием из другого языка, но появились под влиянием представлений о другой группе и дискуссий о том, как соседи воспринимают те или иные элементы языка. Примером может служить отказ молодых калмыков от слова *ханжэанав* ‘благодарю’ из-за коннотаций, которые есть у ойратов КНР¹², и замена его на синонимичный вариант *байрлэжанав* ‘радуюсь’, однокоренной с халхасским ‘спасибо’.

Ну да, это в 90-х когда начали монголы к нам приезжать, синьцзянцы начали приезжать, для них это удивление. (...) И у них вот это слово стало нарицательным. А у нас это немножко другое. Нам уже они вот это свое отношение к этому слову (ханжэанав) стали приносить. (...) люди (в Калмыкии) стали стыдиться этого слова, понимаете. Вот так если

¹²Там этот вариант используется преимущественно в контексте сексуального удовлетворения.

разбираться, у слова есть несколько значений, вот одно взяли во главу поставили. И молодым, которые этим не владеют, им это внушили, и у них вот этот стыд есть (м., 1962, языковой активист, 2020).

Представители старшего поколения, меньше контактирующие с другими монгольскими группами, нередко возражают против замены привычного слова из-за того, что оно может казаться неуместным. Предметом внимания в коммуникации на близкородственных языках может стать практически любое слово, обладающее определенными коннотациями в одном языке и не представленными в другом. Здесь важно отметить, что в разных ситуациях сообщество готово или не готово учесть восприятие своего языка другими группами и изменить какие-то языковые элементы.

4. Отношение к «новым старым словам» в бурятском языке

Сходные процессы изменения терминологии происходили и в бурятском языке. В этом случае не выделяется такое отчетливое влияние приезжих, а практика языкового планирования складывалась в 1990–2000 гг. преимущественно под влиянием внутренних дискуссий. Тем не менее, монголизмы как источник лексических инноваций достаточно актуальны для бурятского языка и часто упоминаются в качестве возможного источника обновления словаря. В отличие от данных по реакции сообщества на изменения лексического состава в калмыцком языке, интервью о бурятском были собраны только в последнее время, поэтому изложенное ниже имеет достаточно фрагментарный характер, позволяющий лишь очертить общие свойства и сравнить сходные тенденции в калмыцком и бурятском языках. Вероятно, происходили изменения в отношении к новым словам, и я благодарю анонимного рецензента журнала за комментарий о том, что в последнее время носители начали положительно относиться к изменениям в бурятской терминологии. Для реконструкции некоторых дискуссий учитывались сохранившиеся материалы форумов¹³.

Респонденты отмечают влияние современного монгольского языка на бурятский, в целом к этому относятся положительно и воспринимают это как часть «монгольского единства» (м., 1987, бурятский), т.е. восстановления общей лексики. Некоторые оговаривают отдельные примеры, которые расценивают как новые заимствования:

Как сказать, монголизм... я считаю, это наша история, наши общие слова, которые были забыты, остались у халха-монголов, а у бурят-монголов исчезли из-за того, что остались в российском государстве. И мы как... забытые слова вытягиваем постепенно из

¹³ Прежде всего, материалы форума BURYATIA.ORG – Сайт бурятского народа с начала 2000-х гг.

халха-монгольского. И я считаю, что это правильно, но я считаю, что у нас все-таки есть разница в употреблении многих слов. Мы, например, ноль – используем русское ноль, а есть у монголов тэг. А по-бурятски, я потом посмотрел через старомонгольский ирифт, была цифра ноль, называется төвйн. (...) Ну, вот, например, студент у нас было орошин – это учащийся, взяли у монголов слово оюутан, ну, тоже студент означает. Теперь у нас монгольское слово, которое мы, скорее всего, никогда не использовали, и вот сейчас такие многие слова вытягиваем, заимствуем у халха-монголов (м., 1983 г.р., бурятский).

Влияние на словоупотребление оказывают современные электронные словари. Создатели основного ресурса, Burlang, обсуждали, по словам одного из разработчиков, возможность включения монголизмов, но решили не делать этого и оставили в большинстве случаев те русские заимствования, которые были в бумажных словарях, составивших основу электронных онлайн словарей (м., 1987, бурятский).

Довольно много изменения лексического состава обсуждались применительно к названиям различных технологических инноваций. Для многих ситуаций возможен выбор разных решений (заимствование русского или чаще английского термина через русский, семантическое калькирование и использование бурятских корней, заимствование из халхасского). Примером может служить обозначение телефона и мобильного телефона, часто обсуждающееся носителями в интервью и на форумах.

В советское время использовалось заимствованное через посредство русского языка слово *телефон* и образованный от него глагол (и именно эти варианты представлены сейчас в словарях). Однако в разговорной речи утвердился вариант *утаһан* (как и соответствующее монгольское слово *утас*, оно исходно имеет значение ‘нить, шнур’, затем – ‘кабель, провод’).

30 – аад онуудаар «утаһаар хонходохо» гэлсэдэг хэбэртэй байгаа хаш, харин 50-80 онуудаар СМИдэ «донгодохо» гэжэ, юрын зон «телефондохо, звонилхо» гэжэ хэлсэдэг байгаа. 90-д онуудаар «хонходохо» гэжэ үгэ һэргэжэ, зон эндэ тэндэ, ходо шаху хэлэдэг болоо. Харин соотовын биш болоходо энэ үгэ гээгдэжэ эхилээ (форум, 2012 г.)

Перевод: В 30-е годы говорили «звонить по телефону» (досл. «звонить по нити»), однако в 50–80 годы в СМИ писали «донгодохо», обычные люди говорили «телефондохо, звонилхо». В 90-е годы восстановили слово «хонходохо» и стали его употреблять всегда и везде. Однако при появлении сотовой связи это слово стало исчезать.

Дискуссии начала 2000-х гг., насколько они доступны по сохранившимся данным форума, предполагали замену «русского» заимствования. Однако, каким именно должно быть развитие, разные говорящие видели по-разному. В 2007 г. один пользователь предлагает закрепить использование следующих слов:

телефон – утаһан, сотовый телефон – (гар) утаһан, телефонный номер – утаһанай дугаар, звонить (по телефону) – хонходохо.

Ответ другого участника форума: *Я думаю, что нужно целенаправленно сближать произношение и правописание "новых" слов с монгольским языком. Зачем придумывать велосипед. Выгода от сближения и использования языка налицо – будет формироваться единое языковое пространство, что повлечет за собой дальнейшее развитие общемонгольского языка.*

Действительно, некоторые говорящие использовали монголизм *гар утас* ‘мобильный телефон’. Однако в дальнейшем утвердился бурятский вариант *утаһан*, отличающийся и от халхасского, и от русского заимствования (точнее, интернационализма *телефон*, появившегося через русский).

«Утаһаар хонходохо» – это семантическое заимствование, калькированный перевод; хоть оно и длиннее, но роднее, чем голое заимствование "тэлэ-пһоондохо" (форум, 2016 г.)

4. Заключение

Обсуждавшиеся выше примеры отражают разнородное отношение, складывающееся среди носителей бурятского и калмыцкого языков, к новым языковым контактам с близкородственными языками. Замена многочисленных русских заимствований (или появившихся через посредство русского языка интернациональных слов) мотивировалась идеями единства близкородственных языков. Одновременно изменение словаря воспринималось как восстановление, обращение к корням, сохранившимся в других монгольских языках, но утраченным калмыцким и бурятским в результате слишком тесных контактов с русским языком. Как отмечает С. Довчин, «глобальная идеология всегда опирается на множество локальных способов и пониманий того, что такое аутентичность» (Dovchin, 2020: 17). Парадоксальным образом, заимствования из халхасского или ойратских идиомов КНР и Западной Монголии интерпретируются как возвращение «старых новых» слов, приближающее язык к аутентичному состоянию.

Следует отметить, что не все члены сообщества одинаково положительно принимают изменения словаря. Критика «новой аутентичности» исходит как от носителей, привыкших к заимствованным вариантам, так и от последователей, согласных с изменениями в целом, но учитывающих исторический контекст и «объективное» распространение того или иного слова. Дискуссии о статусе «новых старых» слов отражают, в частности, готовность сообщества учитывать восприятие своего языка другими группами и менять элементы, обладающие

негативными коннотациями в близкородственных языках. Постепенное распространение идей общеойратской/панмонгольской аутентичности происходит на фоне внедрения собственно мер языкового планирования и знакомства с новыми словами через учебные пособия, СМИ и онлайн-форумы.

Литература

- Баранова В.В. (2006). Взаимодействие близкородственных языков: урумский и крымско-татарский в поселке Гранитное Донецкой области. *Humaniora: Lingua russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц*. Тарту. С. 16–26.
- Баранова В.В. (2008). Кто и как меняет язык? (Дискуссии о языковом планировании в Калмыкии). Учебный текст в советской школе. СПб.; М.: Институт логики, когнитологии и развития личности. С. 417–424.
- Dovchin S. (2020). *Language, Social Media and Ideologies: Translingual Englishes, Facebook and Authenticities*. Cham: Springer. 143 p.
- Kailuweit R. (2014). Avoiding typological affinity: negative borrowing as a strategy of Corsican norm finding. J. Besters-Dilger, C. Dermarkar, S. Pfänder, A. Rabus (eds.). *Congruence in Contact-Induced Language Change*. Berlin/Boston: De Gruyter. P. 368–389.
- Mithun M. (2013) Challenges and Benefits of Contact among Relatives: Morphological Copying. *Journal of Language Contact*. #6. P. 243–270.
- Preston D. (ed.) (1999). *Handbook of Perceptual Dialectology*. Ed. by D. Preston. Volume 1. Philadelphia: Benjamins. 413 p.
- Thomason S.G., Kaufman T. (1988) *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1988. 411 p.

References

- Baranova, V.V. (2006). *Vzaimodejstvie blizkorodstvennyh jazykov: urumskij i krymsko-tatarskij v poselke Granitnoe Doneckoj oblasti*. [The contact of closely related languages: the case of Urum and Crimean-Tatar in Doneck region] *Humaniora: Lingua russica. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika IX. Vzaimodejstvie jazykov i jazykovyh edinic*. Tartu, 2006. Pp. 16–26.
- Baranova, V.V. (2008). *Kto i kak menjaet jazyk? (Diskussii o jazykovom planirovanii v Kalmykii). Uchebnyj tekst v sovetskoj shkole*. SPb.; M.: Institut logiki, kognitologii i razvitija lichnosti. Pp. 417–424.
- Dovchin, S. (2020) *Language, Social Media and Ideologies: Translingual Englishes, Facebook and Authenticities*. Cham: Springer. 143 p.
- Kailuweit, R. (2014). Avoiding typological affinity: negative borrowing as a strategy of Corsican norm finding. J. Besters-Dilger, C. Dermarkar, S. Pfänder, A. Rabus (eds.). *Congruence in Contact-Induced Language Change*. Berlin/Boston: De Gruyter. Pp. 368–389.
- Mithun, M. (2013) Challenges and Benefits of Contact among Relatives: Morphological Copying. *Journal of Language Contact*. #6. Pp. 243–270.
- Preston, D. (ed.) (1999). *Handbook of Perceptual Dialectology*. Ed. by D. Preston. Volume 1. Philadelphia: Benjamins. 413 p.
- Thomason, S.G., Kaufman, T. (1988) *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1988. 411 p.

Баранова Влада Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге и отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Российская Федерация

Адрес: г. Санкт-Петербург, Седова ул., д. 55, корп. 2, лит. А, каб. 217

Эл. адрес: vbaranova@hse.ru

Для цитирования: Баранова В.В. Новые контакты близкородственных языков: монголоязычные группы в поисках аутентичности [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2021, No 1(5). С.78–90. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-78-90

For citation: Baranova V.V. New language contact of closely-related languages: the Mongolic-speaking groups in search of authenticity. Sociolinguistics, 2021, no. 1(5) [online], pp. 78–90. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-2021-1-5-78-90